УДК 902 (571.1)
ББК 63.442.6/63.442.7 (232)

Дата поступления статьи: 23.08.2022
Дата принятия статьи: 12.09.2022

МИГРАЦИИ В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО – НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

Юрий Петрович Чемякин
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: yury-che@yandex.ru

Аннотация. Древние миграции далеко не всегда оставляют в археологических источниках явные следы. Но в ряде случаев артефакты позволяют однозначно интерпретировать их как свидетельства передвижения населения. В Сургутском Приобье накануне и в течение раннего железного века зафиксированы две бесспорные крупные миграции, причем в противоположных направлениях. В конце бронзового века сюда с севера проникают коллективы атлымской культуры. В районе Белогорского материка, где сформировалась эта культура, известно около 20 ее памятников. Столько же открыто в бассейне Конды и в низовьях Иртыша. В Сургутском Приобье выявлено не менее 45 атлымских поселений и местонахождений. Они содержат оригинальную керамику, отличающуюся от местной не только формой, орнаментацией, но и технологией. Взаимодействие носителей атлымской культуры с населением аборигенной барсовской приводит к формированию белоярской культуры. Она существовала в первой половине раннего железного века и представлена более чем 100 памятниками (селища, укрепленные поселения, местонахождения). В этот же период в регион с юга приходит население – носители калинкинской культуры. Ее основные характеристики не имеют корней в местных культурах. Это оригинальные планировка поселений, керамика, а также знакомство с коневодством. Район, где она сформировалась, до сих пор неизвестен. Предположительно, это может быть южная тайга Васюганья. В Сургутском Приобье открыто около 60 поселений, городищ и местонахождений калинкинской культуры. В результате взаимной ассимиляции калинкинских групп и населения белоярской культуры складывается сургутский вариант кулайской культуры.

Ключевые слова: миграции, Сургутское Приобье, поздний бронзовый век, ранний железный век, атлымская и барсовская культуры, калинкинская и белоярская культуры

Цитирование. Чемякин Ю.П., 2022. Миграции в Сургутском Приобье в конце бронзового – начале железного веков // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 243–249. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.005

UDC 902 (571.1)
LBC 63.442.6/63.442.7 (232)

Submitted: 23.08.2022
Accepted: 12.09.2022

MIGRATIONS IN THE SURGUT OB REGION AT THE END OF THE BRONZE AGE – THE BEGINNING OF THE IRON AGE

Yury P. Chemyakin
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: yury-che@yandex.ru

Abstract. Early human migrations, their signs, typology and evidence in archaeological sources have been the subject of considerable interest among scholars for many years. Many articles, conferences and collections of papers are devoted to these topics. It should be noted that, firstly, not all migrations can be traced in archaeological sources and, secondly, not all studies of the sources lead to unambiguous results. However, in some cases data clearly speaks in favor of mass movements of people. In this article attention focuses on Surgut Ob region, where researchers have found dozens of sites dated to the Late Bronze and the Iron Age and referred to the two archaeological cultures having no connections with local cultural substrate. Assemblages discovered at the sites point to mass migrations. One wave of migration happened at the end of the Bronze Age, when groups of the Altym culture came to there from the north. The reasons for their movement were climate fluctuations, such as extreme humidity and cooling, rapid march formation, biomass reduction as well as relative overpopulation on their territory of origin. To date, at least 45 settlements of Altym culture have been identified in the Surgut Ob region. For comparison, only about 20 sites are known in the area of Belogorsk mainland, where this culture was formed. The same amount of settlements has been discovered in the Konda basin and in the lower reaches of the Irtysh river. Interactions of the Altym populations with the representatives of indigenous Barsov culture then led to the formation of the Beloyarsk culture. In the Early Iron Age more people came to the Surgut Ob region from the south; those were representatives of the Kalinkinskaya culture. The main characteristics of this culture such as distinctive settlements layout, ceramics, and horse breeding have no parallels in any local communities. The area of the Kalinkinskaya culture formation is still unknown. Presumably, this could be the southern taiga zone

of Vasyugan region. Approximately 60 settlements and sites of the Kalinkinskaya Culture were discovered in the Surgut Ob Region. As a result of the mutual assimilation of the groups of the Kalinkinskaya and Beloyarsk cultures, a unique Surgut version of the Kulayskaya culture was formed.

Keywords: migrations, Surgut Ob region, Late Bronze Age, Early Iron Age, Atlym and Barsov cultures, Kalinkinskaya and Beloyarsk cultures

Citation. Chemyakin Yu.P., 2022. Migrations in the Surgut Ob region at the end of the Bronze Age – the beginning of the Iron Age. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 243–249. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.005

Вопросам миграций в археологии, их типологии, следам миграций в археологических источниках посвящено немало работ. Их обзор и анализ, методы и критерии выявления были сделаны Л.С. Клейном [Клейн, 1973; Клейн, 1999]. Миграции в Западной Сибири, их причины и последствия в разные эпохи рассматривались М.Ф. Косаревым [Косарев, 1972], им отведена часть сборника Томского университета [Смены…, 1987]. Миграциям посвящены многочисленные конференции, в том числе состоявшаяся недавно на Алтае [Мобильность…, 2019]. Авторы выделяют несколько причин и несколько типов миграций, отмечая при этом, что далеко не все типы миграций оставляют однозначно интерпретируемые следы.

М.Ф. Косарев выделял по социально-экономическим последствиям две основные разновидности древних миграций. 1. Миграции в привычную естественно-географическую среду («логичные») – наиболее обычные переселения, соответствующие понятному желанию мигрантов освоить районы, соответствующие их традиционному хозяйству и быту. 2. Миграции в чуждую ландшафтно-климатическую среду («нелогичные»). Такие переселения случались сравнительно редко, но именно они с наибольшей наглядностью раскрывают механизм разных манер социально-экономической адаптации человеческих коллективов к новым условиям природной среды [Косарев, 1987. С. 4]. Михаил Федорович считал, что в переходное время от бронзового века к железному (как и в другие переходные историко-археологические эпохи) число и роль «нелогичных» миграций в Западной Сибири возрастает; они в большинстве своем вновь направляются из таежных и степных районов в пограничье этих двух природных зон – в лесостепные и южнотаежные области [Косарев, 1987. С. 5].

В основе всех крупных этнопереселенческих движений исторической эпохи, по мнению многих исследователей, лежат демографический и экологический факторы. Этнические перемещения, вызванные этими факторами, В.И. Васильевым названы первичными миграциями [Васильев В., 1987].

Как правило, миграции фиксируются по культурным комплексам, не имеющим корней в местных древностях. Однако, далеко не всегда новые элементы культуры, фиксирующиеся археологически на той или иной территории, являются результатом миграции. Они могут также свидетельствовать об импортах или культурном влиянии [Клейн, 1999. С. 58]. Еще одна проблема – насколько полно отражают новые элементы культуру мигрантов на их родине. Ведь в миграцию часто отправляется не всё общество и не пропорциональный срез всех его слоев и сегментов (репрезентативная выборка), а одна из фракций, например, молодые мужчины-воины, женщины, выходящие замуж, ремесленники и т.п. [Клейн, 1999. С. 59].

Среди крупных миграций, не вызывающих разногласий среди археологов, выделяется миграция нижнеобского населения в конце бронзового века. Ее связывают в первую очередь с носителями атлымской культуры, сформировавшейся в XII–X вв. до н.э. в глубинных таежных районах Нижнего Приобья, на территории Белогорского материка (рис. 1, *1*) [Васильев Е., 2000. С. 76]. На рубеже бронзового и раннего железного веков в Северном Приуралье и Западной Сибири наступил период увлажненности, увеличилась площадь болот, что вызвало сокращение охотничьих угодий и относительное перенаселение. Выходом из этой ситуации стали миграции населения из Нижнего, а затем, видимо, и Сургутского Приобья. Отмечают несколько (минимум две-три) волн миграций. В позднем бронзовом веке крестово-струйчатая керамика появилась на Европейском Северо-Востоке, в районах тундры. Атлымские группы зафиксированы на Конде и Тавде, где проживало лозьвинское население, также вовлеченное в миграционное движение. Последнее в ходе своих переселений достигло Ледовитого океана, низовьев Печоры, но наиболее крупные перемещения происходили в южном направлении, в бассейны Тавды и Лозьвы [Борзунов, 1992. С. 134–135].

По Е.А. Васильеву, в хозяйстве и культуре атлымского населения на рубеже II–I тыс. до н.э. произошли существенные изменения: высокоэффективное рыболовство и широкое внедрение металлических орудий привели к подъему экономики, сопровождавшемуся ростом населения, имевшим скачкообразный характер [Васильев Е., 2000. С. 77]. Это документируется резким увеличением количества археологических памятников атлымской культуры и расширением ее ареала. Видимо, происходили как миграции относительно крупных коллективов, так и локальные инфильтрации не-

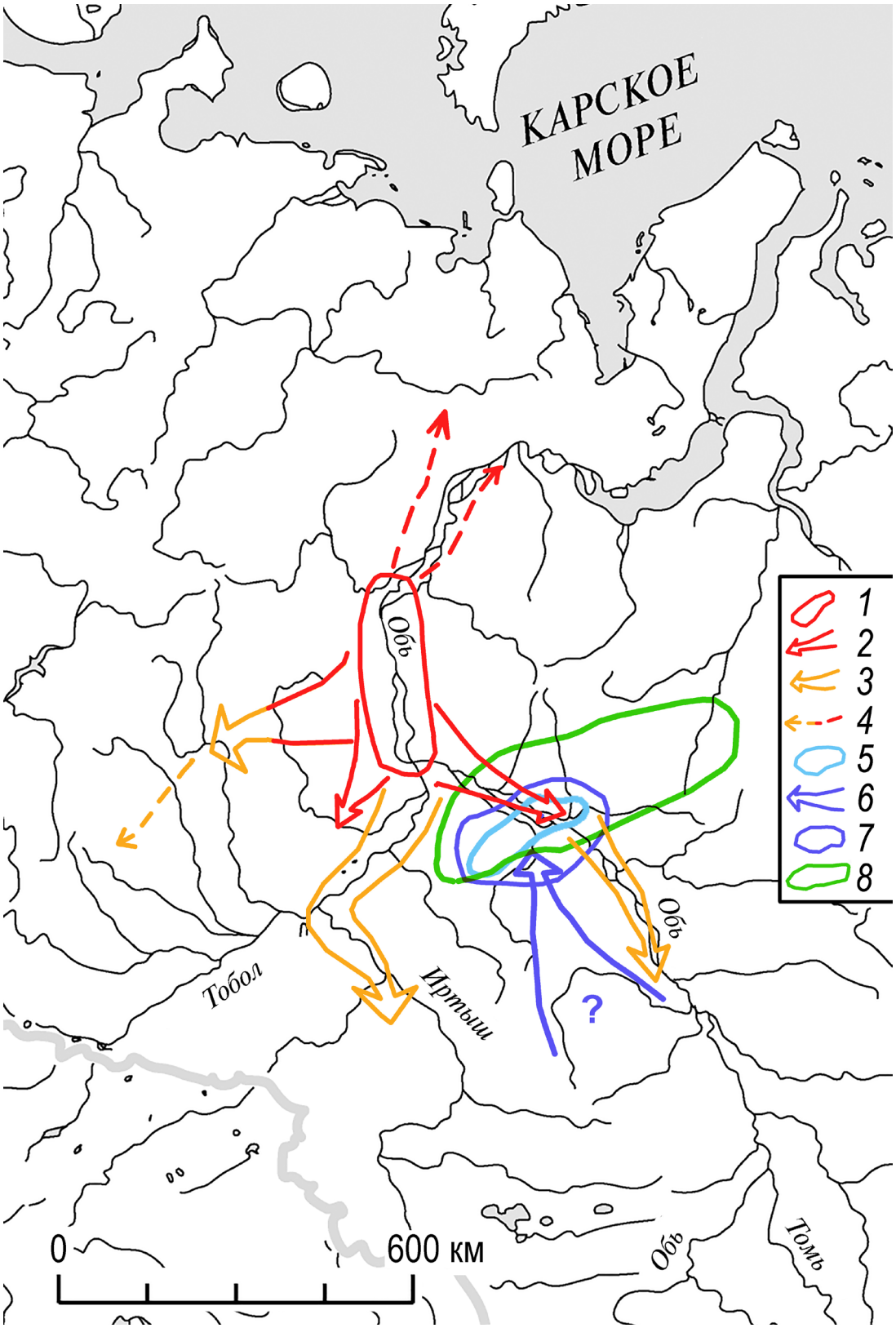

Рис. 1. Карта миграций в Сургутское Приобье в конце бронзового – начале железного веков: *1* – предположительно первичная территория атлымской культуры; *2* – направления атлымских миграций в привычную ландшафтную среду; *3* – направления атлымских миграций в чужеродную ландшафтную среду, приведшие к формированию новых культур; *4* – инфильтрации малочисленных атлымских групп; *5* – ареал барсовской культуры; *6* – направление миграции калинкинского населения; *7* – ареал калинкинской культуры; *8* – ареал белоярской культуры

Fig. 1. Map of migrations to Surgut Ob region at the end of Bronze Age – the beginning of the Iron Age. *1* – presumably the area of origin of the Atlym culture; *2* – directions of the Atlym culture bearers migrations into the familiar landscape environment; *3* – directions of the Atlym culture bearers migrations into the unfamiliar landscape environment, that led to the formation of the new cultures; *4* – Relocations of small groups of the Atlym culture bearers; *5* – Barsovsk culture area of resettlement; *6* – directions of the Kalinkinskaya culture bearers migrations; *7* – Kalinkinskaya culture area or resettlement; *8* – Beloyarsk culture area or resettlement

больших групп. Судя по количеству выявленных памятников, последние совершались в основном в северном и северо-западном направлениях. О них свидетельствуют немногочисленные находки атлымской керамики в тундре (низовья Оби) и на Европейском Северо-Востоке, в бассейне Печоры (рис. 1, *4*). Но в ряде случаев, вероятно, они отражают не инфильтрации населения, а культурные или торгово-обменные контакты.

Атлымские поселения появляются в бассейне р. Конды, в Сургутском Приобье (рис. 1, *2*). Следует отметить, что на этих территориях они сосуществовали с местными культурами (лозьвинской и барсовской). Причем, видимо, не везде это сосуществование носило мирный характер – в низовьях Конды, в бассейне р. Чилимки, известны атлымские городища (Чилимка XIII, Чилимка XXIII) [Глушков, Захожая, 2000. С. 193–195]. Однако, отсутствие городищ на других территориях, появление в раннем железном веке памятников, материальная культура (в первую очередь – керамика) которых сочетает признаки атлымской и аборигенной культур свидетельствуют, возможно, о возникновении территориальных (соседских) общин или о культурном влиянии северного населения [Глушков, Захожая, 2000. С. 43].

Изменение климата в сторону большей увлажненности, активное заболачивание, сдвиг ландшафтных зон к югу, произошедшие накануне эпохи железа [Косарев, 1974. С. 36–38; Львов, 1979. С. 18; Зимина, Сизов, Цембалюк, 2021. С. 50–52], дали толчок к новым миграциям атлымского населения. Если первая волна не выходила за рамки привычной ландшафтной среды (Нижнее Прииртышье, Среднее Приобье, Среднее Зауралье), то мигранты второй волны устремились в южнотаежную и лесостепную зоны, войдя в контакты с населением, знакомым с производящим хозяйством (рис. 1, *3*). Эти контакты привели к формированию новых культур, в которых первоначально преобладали или имели значительный вес черты атлымской культуры (красноозерская, молчановская, завьяловская культуры, памятники тургайского типа) [Абрамова, Стефанов, 1985; Косарев, 1974. С. 121–132; Троицкая, 1985; Бобров, 1999].

В Сургутском Приобье, включая бассейн Агана, открыто около 40–45 атлымских поселений (23 – в урочище Барсова Гора) [Чемякин, 1981; 2008. С. 53–59. Рис. 39–44]. Примерно столько же здесь известно селищ и местонахождений аборигенной барсовской культуры, в том числе 25 – на Барсовой Горе (рис. 1, *5*) [Чемякин, 2008. С. 48–53. Рис. 34–38]. Мигрантов отличает в первую очередь оригинальная посуда – плоскодонные горшки с дугообразно выгнутой шейкой, украшенные крестовыми, гребенчатыми и мелкоструйчатыми штампами. В качестве примеси к глиняному тесту атлымские гончары наряду с шамотом часто использовали дресву, практически неизвестную в местной (барсовской) керамике [Чемякин, 2008. С. 58–59].

Урочище Барсова Гора на правобережье Оби, в 8–15 км к западу от г. Сургут, имеет площадь около 16,3 км^2. По мнению П.А. Косинцева, ведение присваивающего хозяйства на такой ограниченной площади возможно лишь для одного хозяйственного коллектива, состоящего максимум из нескольких десятков человек [Косинцев, 2004. С. 52]. Этот взгляд несколько расходится с нашим представлением о том, что в урочище в определенные периоды на разных поселениях могли проживать представители двух разных культурных традиций. С одной стороны, эти коллективы могли быть малочисленны, с другой – составлять одну хозяйственную единицу (например, территориальную общину). Равное количество одновременных памятников мигрантов и аборигенов, на наш взгляд, подтверждает это. Взаимодействие атлымской и барсовской культур в этом регионе привело к сложению в начале железного века белоярской культуры. Известны ранние белоярские поселения, в керамике которых ощущается большее влияние барсовской культуры (селище Барсова гора I/40) [Чемякин, Кокшаров, 1984], и памятники, где явны черты атлымской культуры (селище Барсова гора III/76) [Погодин, Чемякин, 2006].

Новая миграция в Сургутское Приобье произошла примерно в середине I тыс. до н.э. или чуть раньше. Она имела прямо противоположное направление (рис. 1, *6*). Как и в случае с атлымской миграцией, в регионе появляются памятники, основные характеристики которых не находят корней в предшествующих местных культурах, но выраженные еще ярче. Среди них линейная планировка поселений, плотно поставленные жилища, окруженные канавками, своеобразная керамика с оригинальной орнаментацией. Кроме типичных для таежной посуды горизонтальных линий, поясков вертикальных или наклонных оттисков штампа на ней часты пояски из отпечатков, расположенных в шахматном порядке или сгруппированных по 3–5, часто заключенных между поясками вертикальных или наклонных оттисков. На нескольких памятниках обнаружены кости лошади, неизвестные ни в одновременной белоярской, ни в предшествующих культурах Сургутского Приобья. Мы не знаем, разводили ли пришельцы лошадей, или закупали их в южных регионах для каких-то (ритуальных?) целей, но налицо их знакомство с коневодством. Культура мигрантов названа калинкинской [Чемякин, 2008. С. 74–78. Рис. 59–67; Чемякин, 2019]. Сегодня открыто около 50 селищ и городищ калинкинской культуры (рис. 1, *7*). На 30 из них проведены раскопки, полностью или частично изучено более 70 объектов калинкинской культуры (в том числе 42–45 – на Барсовой Горе), около 20 из них – на городищах. Для сравнения – в Сургутском Приобье сегодня известно свыше 100

памятников белоярской культуры, одновременной калинкинской (рис. 1, *8*). Из них половина – на Барсовой Горе. На многих проведены раскопки, исследованы в разной степени более полутора сотен белоярских построек [Чемякин, 2008. С. 66–74. Рис. 45–58].

Но до сих пор не известна территория, откуда могли выйти носители калинкинской культуры. Высокий удельный вес гладкого штампа и жемчужин в орнаментации сосудов, что не характерно для предшествующей керамики в регионе, оригинальная орнаментация, а также знакомство с элементами скотоводства (присутствие костей лошади на памятниках) позволили в свое время высказаться в пользу южного (юго-восточного) происхождения культуры [Чемякин, 1989. С. 139]. Открытие новых памятников к югу от основного ареала, в бассейне Большого Югана, не противоречит этой гипотезе. Отдаленное сходство некоторых черт калинкинской культуры отмечено с раннекулайскими (по Л.А. Чиндиной [Чиндина, 1984]) древностями Васюганья, а также с новочекинской культурой. Косвенно о южном характере пришельцев свидетельствует металлопластика, найденная на селище Угутское 29 (бассейн Большого Югана). Там обнаружена накладка с головами грифонов,[1] почти идентичная происходящей из могильника Почта-3 (Новосибирское Приобье) [Могильников, 1997. Рис. 55, *6*] и датирующейся V–IV вв. до н.э. Она свидетельствует о связях со степным миром, скорее, в южном или юго-восточном направлении. Близкие накладки известны и в могильнике Новочекино-2 [Полосьмак, 1987. Рис. 41, *3, 5*].

Н.В. Полосьмак отмечала таежный характер новочекинской культуры и близость ее поселений (подчетырехугольные жилища, окружённые канавками или ровиками, расположенные ровными рядами) памятникам калинкинской культуры Барсовой Горы, а также Васюганья [Полосьмак, 1987. С. 59]. К сожалению, новочекинский поселенческий материал практически не издан, а опубликованная посуда отличается от калинкинской. Что касается васюганской керамики, то наблюдается некоторое сходство с калинкинскими сосудов Нововасюганского поселения [Кирюшин, 1975. Табл. 8, *7, 8*]. Н.В. Полосьмак полагает, что новочекинская керамика маркирует проникновение северных (таежных) групп населения в лесостепную Барабу, без указания района исхода [Полосьмак, 1987. С. 108].

Исходя из степени исследованности территорий к югу от Сургутского Приобья, можно предположить, что исходным районом, территорией формирования калинкинской культуры может быть Васюганье. Но без точной ее локализации пока трудно говорить о причинах миграции калинкинского населения. Материалы Барсовой Горы демонстрируют сосуществование поселений аборигенов и мигрантов на ограниченной территории, их взаимодействие, в результате которого формируется сургутский вариант кулайской культуры [Чемякин, 2008. С. 78]. Таким образом, кулайские древности в регионе – не следствие миграций (из Нарымского Приобья), а результат трансформации местных культур. Роль калинкинских племен в этой трансформации в разных районах Сургутского Приобья еще предстоит определить. В Сургутском Приобье известны более 140 кулайских памятников, многие из них изучались раскопками. Только на Барсовой Горе выявлены более 20 городищ, 35 селищ и местонахождений, 2–3 могильника и одиночное погребение, святилище, клад, исследовано около сотни построек, 13 погребений. Анализ такого материала и позволил прийти к выводу об автохтонном происхождении сургутского варианта кулайской культуры (общности).

Вероятно, при такой плотности кулайское население региона также совершало миграции. Это могли быть далекие миграции крупных коллективов, инфильтрации небольших групп в слабо освоенные места, походы воинов, передвижения ремесленников и т.д. Сегодня многие исследователи признают миграцию «кулайцев» из Нарымского Приобья на юг, в Томское и Новосибирское Приобье. Более далекие передвижения могли совершаться потомками этих колонистов. Однако пока вопрос о характере, направлениях, причинах кулайских миграций далек от решения. Он связан во многом с более детальной характеристикой локальных вариантов кулайской общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.

Бобров В.В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 32–43.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.

Васильев В.И. Влияние миграционных процессов на этнические судьбы населения Западно-Сибирской лесостепи в конце I тыс. до н.э. – начале II тыс. н.э. // Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТомГУ, 1987. С. 43–45.

[1] Устное сообщение Ю.В. Балуевой. Автор благодарен Юлии Валерьевне за информацию.

Васильев Е.А. Атлымская культура // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 1. А–И. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. С. 76–77.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут: СурГПИ, 2000. 201 с.

Зимина О.Ю., Сизов О.С., Цембалюк С.И. Стратегии заселения на рубеже бронзового и железного веков: природные и палеоэкономические факторы (лесостепная – подтаежная зоны в долине р. Тобол) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 50–60. DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3(72)-50-60

Кирюшин Ю.Ф. Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Вып. 16 / Отв. ред. В.А. Дрёмов. Томск: ТомГУ, 1975. С. 29–48.

Клейн Л.С. Археологические признаки миграций. М., 1973. 17 с. (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады сов. делегации. Чикаго, 1973)

Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.

Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // Советская археология. 1972. № 4. С. 19–27.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.

Косарев М.Ф. Миграции и переходные историко-археологические эпохи // Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТомГУ, 1987. С. 4–6.

Косинцев П.А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Материалы науч. конф. Омск: Б/и, 2004. С. 51–54.

Львов Ю.А. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТомГУ, 1979. С. 12–18.

Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: программа и тез. докл. V Междунар. симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты» (Денисова пещера (Алтай, Россия), 19–24 августа 2019 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 136 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: Б/и, 1997. 196 с.

Погодин А.А., Чемякин Ю.П. К вопросу о происхождении белоярской культуры (по материалам селища Барсова гора III/76) // Уральский исторический вестник. № 14. Материалы к II Междунар. Северному археологическому конгрессу. Спец. выпуск. 2006. С. 117–135.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТомГУ, 1987. 176 с.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 54–68.

Чемякин Ю.П. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Урала. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 87–91.

Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье во II–I тысячелетиях до н.э. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1 / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: Наука, 1989. С. 137–139.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут–Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П. Калинкинская культура эпохи раннего железа таежного Обь-Иртышья // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 204–206.

Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 115–130. (ВАУ. Вып. 17)

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТомГУ, 1984. 256 с.

REFERENCES

Abramova, M.B., Stefanov, V.I. 1985, “Krasnoozersk culture in the Irtysh area”, *Arheologicheskie issledovaniya v rajone novostroek Sibiri* (“Archaeological research in the area of new buildings in Siberia”), Nauka, Novosibirsk, pp. 103–130. (In Russ.)

Bobrov, V.V. 1999, “Ceramic assemblages with figure-stamp ornamentation in the south-east of Western Siberia”, *Arheologiya, etnografiya i muzejnoe delo* (“Archeology, ethnography and museology”), KemSU, Kemerovo, pp. 32–43. (In Russ.)

Borzunov, V.A. 1992, *Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture)*, UrGU, Yekaterinburg, 188 p. (In Russ.)

Vasiliev, V.I. 1987, “The influence of migration processes on the ethnic trajectories of the population of the West Siberian forest-steppe at the end of the 1st millennium BC – the beginning of the 2nd millennium AD”, *Smeny kul’tur i migracii v Zapadnoj Sibiri* (“Changes of cultures and migrations in Western Siberia”), Tomsk State University, Tomsk, pp. 43–45. (In Russ.)

Vasiliev, E.A. 2000, “Atlym culture”, *Yugoriya. Enciklopediya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga* (“Yugoria. Encyclopedia of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug”), vol. 1, A–I, Socrates, Khanty-Mansiysk, pp. 76–77. (In Russ.)

Glushkov, I.G., Zahozhaya, T.M. 2000, *Ceramics of the Late Bronze Age of the Lower Irtysh region*, SurGPI, Surgut, 201 p. (In Russ.)

Zimina, O.Y., Sizov, O.S., Tsembalyuk, S.I. 2021, "Settlement strategies at the turn of the Bronze and Iron Ages: natural and paleoeconomic forces (forest-steppe – sub taiga zones in the Tobol river valley)", *Ural Historical Journal*, no. 3 (72), pp. 50–60. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-3(72)-50-60

Kiryushin, Y.F. 1975, "Novovasyugansk settlement", *Iz istorii Sibiri* ("From the history of Siberia"), iss. 16, Tomsk State University, Tomsk, pp. 29–48. (In Russ.)

Klein, L.S. 1973, "Archaeological signs of migrations", *IX Mezhdunarodnyj kongress antropologicheskih i etnograficheskih nauk. Doklady sov. Delegacii. Chikago, 1973* ("9th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Reports of the Soviet delegation. Chicago, 1973"), Moscow, 17 p. (In Russ.)

Klein, L.S. 1999, "Migration: archaeological signs", *Stratum plus*, no. 1, pp. 52–71. (In Russ.)

Kosarev, M.F. 1972, "On the causes and social consequences of ancient migrations in Western Siberia", *Soviet Archaeology*, no. 4, pp. 19–27. (In Russ.)

Kosarev, M.F. 1974, *Ancient cultures of the Tomsk-Narym Ob region,* Nauka, Moscow, 220 p. (In Russ.)

Kosarev, M.F. 1987, "Migrations and transitional historical and archaeological eras", *Smeny kul'tur i migracii v Zapadnoj Sibiri* ("Changes of cultures and migration in Western Siberia"), Tomsk State University, Tomsk, pp. 4–6. (In Russ.)

Kosintsev, P.A. 2004, "Formation of archaeological micro district: processes and models", *Arheologicheskie mikrorajony Severnoj Evrazii. Materialy nauchnoj konferencii* ("Archaeological micro districts of Northern Eurasia. Proceedings of the scientific conference"), Omsk, pp. 51–54. (In Russ.)

Lvov, Y.A. 1979, "Process of march formation as a factor of human habitat in Western Siberia", *Osobennosti estestvenno-geograficheskoj sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri* ("Features of the natural-geographical environment and historical processes in Western Siberia"), Tomsk State University, Tomsk, pp. 12–18. (In Russ.)

Mobil'nost' i migraciya: koncepcii, metody, rezul'taty: programma i tezisy dokladov V Mezhdunarodnogo simpoziuma «Mobil'nost' i migraciya: koncepcii, metody, rezul'taty» (Denisova peshchera (Altaj, Rossiya), 19–24 avgusta 2019 g.) ("Mobility and migration: concepts, methods, results: the program and abstracts of the 5th International Symposium "Mobility and migration: concepts, methods, results" (Denisova Cave (Altai, Russia), August 19–24, 2019)"), 2019, IAET SO RAN, Novosibirsk, 136 p. (In Russ.)

Mogilnikov, V.A. 1997, *Populations of the Upper Ob region in the middle – second half of the 1st millennium BC*. Moscow, 196 p. (In Russ.)

Pogodin, A.A., Chemyakin, Y.P. 2006, "On the question of the origin of the Beloyarsk culture (based on the materials from the settlement of Barsova Gora III/76)", *Ural Historical Journal*, no. 14. Materials for the 2nd International Northern Archaeological Congress. Special Issue, pp. 117–135. (In Russ.)

Polos'mak, N.V. 1987, *Baraba in the Early Iron Age*. Nauka, Novosibirsk, 144 p. (In Russ.)

Smeny kul'tur i migracii v Zapadnoj Sibiri ("Changes of cultures and migrations in Western Siberia"), 1987, Tomsk State University, Tomsk, 176 p. (In Russ.)

Troitskaya, T.N. 1985, "Zavyalovskaya culture and its place among the forest-steppe cultures of Western Siberia", *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e* ("Western Siberia in antiquity and the Middle Ages"), TumGU, Tyumen, pp. 54–68.

Chemyakin, Y.P. 1981, "Ceramics of the Late Bronze Age in the Surgut Ob region", *Voprosy arheologii Urala* ("Questions of the archeology of the Urals"), iss. 15, UrGU, Sverdlovsk, pp. 87–91. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P. 1989, "Surgut Ob region in the 2nd – 1st millennia BC", *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* ("Proceedings of the 6th International Congress of the Finno-Ugric researchers"), vol. 1, Nauka, Moscow, pp. 137–139. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P. 2008, *Barsova Gora: essays on the archeology of the Surgut Ob region. Antiquity*. Omsk House of Printing, Surgut–Omsk, 224 p. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P. 2019, "Kalinkinskaya culture of the Early Iron Age in the Ob-Irtysh taiga zone", *V Severnyj arheologicheskij kongress. Tezisy dokladov. 11–14 dekabrya 2019. Hanty-Mansijsk* ("5th Northern Archaeological Congress. Abstracts of reports. December 11–14, 2019. Khanty-Mansiysk"), Alfa-Print, Yekaterinburg, pp. 204–206. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P., Koksharov, S.F. 1984, "Settlement of the beginning of the 1st millennium BC on the Barsova Gora", *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoj Sibiri* ("Ancient settlements of the Urals and Western Siberia"), UrGU, Sverdlovsk, pp. 115–130. (In Russ.)

Chindina, L.A. 1984, *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age. Kulai culture*. Tomsk State University, Tomsk, 256 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Юрий Петрович Чемякин, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург. E-mail: yury-che@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6939-2917

Information About the Author

Yury P. Chemyakin, Ph.D., Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Yekaterinburg. E-mail: yury-che@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6939-2917